

УДК 316

DOI 10.23683/2227-8656.2018.1.16

**СТРАТЕГИИ РАВЕНСТВА
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ
В КОНТЕКСТЕ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
РЕСУРСНОСТИ**

Некрасов Евгений Евгеньевич

Соискатель,
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

**THE STRATEGIES
FOR THE EQUALITY
OF THE POSSIBILITIES
OF RUSSIAN YOUTH IN THE
CONTEXT OF INSTITUTIONAL
RESOURCES**

Evgeny E. Nekrasov

Doctoral Candidate,
Platov South-Russian
State Polytechnic
University (NPI),
Novocherkassk,
e-mail: izbirpravo@gmail.com

В представленной статье реализуется попытка исследования институциональной ресурсности российской молодежи как коридора возможностей реализации стратегий равенства возможностей. На основе концептуального и эмпирического материала обосновывается вывод о том, что сложившаяся институциональная среда ориентируется на социально-контролирующую функцию по отношению к молодежи, что слабо проявляется влияние институтов развития молодежи, стимулирующих ее социальную и экономическую самостоятельность как основной фактор реализации стратегии равенства возможностей. Вместе с тем подчеркивается, что молодые россияне, придерживаясь позиций одобрения институтов порядка, ориентируются на актуализацию неформальных социальных норм в контексте реализации стратегий равенства возможностей.

In the article an attempt to study the institutional resource of Russian youth as a corridor of opportunities for implementation of equal opportunity strategies is made. On the basis of conceptual and empirical material the author shows that the existing institutional environment is oriented towards the social-controlling function towards the young people. The influence of the youth development institutions that stimulate its social and economic initiative as the main factor in the implementation of the strategy of equality of opportunity is poorly manifested. At the same time, it is emphasized that young Russians, adhering to the position of approving the institutions of order, are guided by the actualization of informal social norms in the context of the implementation of equal opportunities strategies.

Ключевые слова: стратегии равенства возможностей, социальные институты, формальные нормы, неформальные нормы, институциональные модели.

Keywords: strategies for equality of opportunities, social institutions, formal norms, informal norms, institutional models.

Введение

Рассматривая стратегии равенства возможностей как имеющие привязку к определенным институциональным ресурсам, в частности к системе образования и профессиональной подготовке, следует подчеркнуть, что в рамках реализации основной цели исследования актуальным является определить, в какой степени институциональная среда российского общества адекватна, имеет адаптивный и стимулирующий потенциал для закрепления стратегий равных возможностей. Понимая стратегии равных возможностей не только как социально дистрибутивные механизмы, что находит отражение в приоритете потребительских интенций, но и схемы социального самоопределения молодежи, очередной исследовательский шаг состоит в том, чтобы выявить общую конфигурацию институциональной среды, которая измеряется по критерию реализации стратегий равных возможностей, и определить, в какой степени конкретные государственные и социальные институты способствуют закреплению стратегий равных возможностей в качестве поведенческих образцов молодежи, какие нормативные, организационные, мобилизационные условия проявляются в реализации стратегии равенства молодежи.

Исходя из этого положения, необходимо говорить о том, что накладывающиеся друг на друга процессы: ориентация молодежи на стратегии равенства возможностей и растущее социальное расслоение приводят к возникновению инструментальных форм реализации равных возможностей, имеющих внеинституциональные рамки. Имеется в виду, что, хотя декларировано правовое равенство и в общественном сознании институт образования хотя и девальвировался, но сохраняет статус канала восходящей социальной мобильности, фактически российская молодежь осознает институциональное неравенство, испытывая дифференциацию образования профессиональной подготовки и, соответственно, профессиональных перспектив в контексте дескриптивного и территориального статусов.

Это выражается в том, что молодые россияне воспринимают сложившуюся институциональную среду на публичном уровне как сферу поддержания безопасности и порядка. Но на социальном микроуровне не рассматривают институциональную среду не только как механизм

адаптации к изменяющимся социальным условиям, но и как формирование новых социокультурных качеств, способствующих реализации стратегии равенства возможностей.

Таким образом, анализ институциональной среды является необходимым в контексте того, что в российском обществе, как писал И.А. Дискин, сложились институциональные модели, которые по критерию патерналистского запроса и социальной, и предпринимательской активности являются разнородными, а зачастую фрагментированными. Для молодежи актуальным остается то, что прежние модели утратили свою активность, а новые модели нужно еще выработать [3, с. 49].

Роль институциональной среды в формировании стратегий равенства возможностей российской молодежи

Большинство молодых людей считают, что материальное благополучие человека в большей степени зависит от его собственных усилий, а не от внешних обстоятельств, а потому актуальным остается патерналистский запрос, связанный со справедливой социально-распределительной политикой государственных институтов [8].

В этом контексте важным для полноты исследования является отношение к тому, как в целом молодые россияне оценивают институциональную среду, на какие институты и в связи с чем они возлагают свои надежды и ожидания. Следует подчеркнуть, что в рамках закрепленных среди молодежи схем институционального восприятия можно выделить то, что в целом позиции молодежи не различаются с позициями других поколений, когда речь идет о том, что самым высоким уровнем доверия обладают президент России, правительство, региональные органы власти [6, с. 132]. Согласно результатам самостоятельного социологического исследования, 33,4 % молодых людей полагают, что наибольшее доверие в реализации стратегий равенства возможностей имеет рынок труда, бизнес – 35,8 % по сравнению с общественными движениями – 12 % и молодежными ассоциациями – 10,2 %. В то же время парадоксальным является высокое институциональное доверие правоохранительным органам – 53,3 %, армии – 52 и церкви – 24,2 %, институтам порядка (социального и символического), не ориентированным на развитие молодежи непосредственным образом.

Это и понятно, поскольку институциональная среда, если говорить о доминантной роли социального макроуровня, концентрируется вокруг государствообразующих институтов, тех, чья деятельность воспринимается ими как забота об общеколлективном благе. С другой стороны, как показывают исследования, доверие к институтам, призван-

ным защищать законные права и интересы граждан оказывается на несколько порядков ниже [6, с. 132].

Отсюда можно предположить, что для молодежи государствообразующие институты успешно работают в обеспечении национальной безопасности, стабильности и порядка, что является внешним условием для реализации стратегий равных возможностей молодежи, но существует дистанция по отношению к социальным институтам, призванным и защищать права граждан, и представлять их интересы, и оказывать влияние на молодежную политику. Речь идет не только о слабой самоорганизации молодежи, недоверии к структурам, которые должны представлять интересы молодежи, работать в молодежной среде, но и в целом к институциональной системе.

Иными словами, для молодых россиян равенство возможностей закреплено на личностном микроуровне, поскольку они не воспринимают институциональную среду как интегрированный коридор возможностей, способный перевести их индивидуальный выбор в совместную деятельность. Для молодых россиян актуальным является то, что возникают сложности, связанные с тем, какие институты способствуют развитию стратегий равенства возможностей. Органы местного самоуправления, профсоюзы, общественные и правозащитные организации располагаются по шкале институционального доверия исходя из того, как они реализуют частные интересы (территориальные, отраслевые, групповые, индивидуальные) [6, с. 134].

Приведенные данные показывают, что в молодежной среде не находятся в центре общественного мейнстрима институты развития молодежи, вернее, можно сказать, что не выделяется то, что можно назвать институтами содействия молодежи и молодежной политикой. Предпочтение рынка труда и бизнеса свидетельствует о преобладании стихийности, подверженности личностному выбору в условиях институциональной неопределенности. При этом недоверие преобладает в отношении всех институтов, тем не менее есть определенная позитивная динамика, которая проявляется в том, что молодежь видит перспективу налаживания партнерства государства и возникших волонтерских движений молодежи, для решения ее проблем. Это важный момент, связанный с тем, что, хотя волонтерские движения часто ориентированы на «требования одного дня» или связаны с чрезвычайными ситуациями, есть определенная заинтересованность молодежи в том, чтобы правозащитные, экологические, профессиональные ассоциации настраивались на потребности молодежи.

Интересно, что анализ отношений молодежи к институциональной среде российского общества показывает, что и на социальном микроуровне есть понимание ограниченности неформальных норм, что для молодых россиян равенство возможностей, которые уравниваются под воздействием неформального социального капитала, в реальности ведет к осознанию неравенства возможностей. Исходя из того, что равенство возможностей рассматривается как результат личных усилий и достижений, можно ожидать, что в этом контексте молодые россияне склонны считать, что институциональная среда должна быть формирующей равные стартовые условия, что опора на неформальный социальный капитал фактически закрепляет разделение молодежи по сословиям, что отдаляет перспективу реализации стратегий равенства возможностей, делает их труднодостижимыми в процессе индивидуального выбора.

В рамках исследования институциональных параметров стратегий равенства возможностей российской молодежи необходимо указать, во-первых, на то, что стратегии равенства возможностей не декларированы социальными институтами и институты молодежной политики связаны с формированием параметров патриотизма, лояльности, законопослушности. Иными словами, институциональная среда обнаруживает дефицит воспроизводства стратегий равенства возможностей, замещающую роль играют неформальные институты, которые, как отмечалось ранее, могут порождать и легитимные практики.

Поэтому для российской молодежи важно сочетание умеренного патернализма со стороны государственных институтов, стимулирование инициативы молодежи, но с другой – обнаруживается перекос, связанный с тем, что сложившаяся институциональная система склонна к самовоспроизводству и ее коммуникативные связи с потребностями и интересами молодежи обнаруживаются только в том, что можно охарактеризовать как сферу безопасности и порядка. Это подтверждается тем, что только 16,8 % респондентов, согласно результатам самостоятельного социологического исследования, положительно относятся к функционированию институтов развития молодежи, но половина опрошенных относятся положительно с учетом определенных недостатков, очевидно, имея в виду, что институты развития привязаны к контролирующей, а не развивающей функции в отношении молодежи.

В этих условиях важно отметить, что по институциональным параметрам молодые люди включают в понятие жизненного успеха интересную работу (40,4 %), возможность быть самому себе хозяином, наличие надежных друзей [2, с. 130]. Из приоритетных моделей жиз-

ненного успеха в молодежной среде наличие надежных друзей фиксирует социальный микроуровень, то, что в реализации стратегий равных возможностей молодежи преобладает ориентация на круг близких и уверенность в себе закрепляется тем, так же как и все остальные, что молодой человек должен иметь надежных друзей. Отсутствие друзей есть признак социального «лузерства». Интересная работа также связана не с институтом трудоустройства молодежи, поскольку вакансии на рынке труда, представляемые официальными институтами, для молодежи носят или малоодоходный, или непрестижный характер.

Еще меньше питают ожидания по отношению к общественным ассоциациям. Создалась ситуация, в которой формальные институты, декларируя правовое равенство, не переводят на язык равенства возможностей, а неформальные институты настроены на групповые и индивидуальные интересы. В контексте вышесказанного институциональная среда воспринимается молодежью как безразличная к реализации стратегии равенства возможностей, последствием также является то, что, оценивая молодежную политику как эффективную (15,3 %), российская молодежь не ожидает решения многих проблем от государства, точнее, отмечает, что внутренняя и внешняя политика частично совпадают с интересами молодежи (соответственно 33,9 и 33,4 %) [2, с. 144].

То, что для более чем половины совпадает частично, означает уже обоснованное утверждение о том, что для молодежи институциональная среда эффективно работает на социальном макроуровне. Но что касается индивидуальных или групповых траекторий, связанных со стратегиями равенства возможностей, можно констатировать только частичное совпадение в создании внешних условий. Так как большинство молодежи (67,8 %) считают, что у них нет возможности влиять на политику государства [2, с. 146], наблюдается доминанта лояльного безразличия. Молодые россияне, считая себя патриотами, в то же время указывают на то, что отсутствуют механизмы донесения своих интересов до власти и отстаивания их (46,1 %).

Между институциональной средой и молодежью существует зона отчуждения, которая создает ситуацию ожиданий, что общество и государство прислушаются к интересам молодежи. Здесь следует учитывать и тот факт, что отсутствие автономных молодежных организаций, которые бы работали на условиях государственно-общественного партнерства, приводит к тому, что действующие «официальные» молодежные организации, как правило, не занимаются массовым рекрутингом молодежи, не вызывают интерес, хотя и представляются каналами социальной мобильности для активистов.

Полагаем, что российская молодежная среда оценивает деятельность институциональной системы как эффективную для защиты интересов государства, но неэффективную для интересов молодежи. Следует говорить о том, что, судя по модели жизненного успеха, институциональная система могла бы повысить уровень доверия, если бы работала на усиление репутационного капитала молодежи, не ограничиваясь позицией, что «молодежь – будущее страны». Российская молодежь в этом смысле поставлена в такие же условия, как и старшие поколения; трудно говорить о том, что в российском обществе существуют институты преференций для молодежи. В ходе реализации цели исследования следует помнить о том, что для молодых россиян существует определенный патерналистский запрос, связанный с тем, чтобы в условиях кризиса молодежь не оказалась наиболее ущемленной и незащищенной группой.

Здесь следует учитывать, что поколение молодых россиян имеет более высокие потребительские стандарты, чем старшее поколение, особенно что касается пенсионеров. Для молодых россиян важно, чтобы действующие государственные и социальные институты выработали целенаправленный и постоянный подход к проблемам молодежи, что важным индикатором наличия у молодежи собственных интересов является необходимость соглашения в обществе по поводу представления о коллективном благе молодежи. В этом смысле плодотворной является объяснительная конструкция неинституционального подхода, в котором есть положение о том, что сети доверия формируются на основе рациональных представлений акторов о предвидимых последствиях взаимодействий с соответствующими элементами институциональной среды [3, с. 101].

Если перевести данное положение на язык социологической конкретки, то для российской молодежи важно, чтобы ее ориентации на интересную работу, уважение окружающих закреплялись на уровне доверительных отношений с социальными институтами. Можно говорить о том, что российская молодежь стоит на позициях отказа от институционального диктата, и для нее важным является, чтобы не институциональная среда определяла ее интересы, а была бы выработана соответствующая институциональная конвенция. В этом смысле важно подчеркнуть, что, хотя для российской молодежи, особенно в условиях экономического кризиса, проявляется тенденция «устроиться на работу в государственных структурах» по критерию постоянства и надежности работы, не следует сосредотачиваться на том, чтобы создать равенство возможностей именно в доступе к системе государственных институтов.

Социологические исследования показывают, что, хотя и наблюдается маятник от частного сектора к государственному, что объяснимо в условиях кризиса, общая закономерность, характеризующая российскую молодежь, состоит в том, что институциональная среда не дефицитна в отношении ресурсов развития молодежи. Это касается не только неэффективности молодежной политики, но и разделяется убеждением в том, что молодежь лишена возможности заключать соглашения в рамках внутренней динамики отношений между молодежью и обществом, создавать партнерские организации, связанные с балансом интересов [5, с. 67]. Это выражается в том, что, находясь в ситуации опоры на собственные силы, молодые россияне рассматривают стратегии равенства возможностей как желательные, но недостижимые, и неадекватной реакцией на эту ситуацию может быть то, что речь идет о снятии блокираторов, которые мешают молодежи быть довольными [7, с. 69].

Институты порядка и неформальные социальные нормы в контексте реализации стратегий равенства возможностей молодежи

Как отмечалось ранее, институциональная среда российского общества сложилась как контролирующая деятельность молодежи, и важным средством анализа уровня эффективности институциональной среды в формировании стратегии равных возможностей молодежи является то, что упускается поддержание статуса, который и обеспечивает не только успех в экономических и социальных отношениях [3, с. 59], но и то, что статус молодежи в контексте его транзитивности не становится престижным. Молодые россияне достаточно успешно освоили новые инновационные ниши, что в высокопрофессиональных группах айтишников, управленцев, биотехнологов высока доля молодого поколения.

Отсюда достаточно скромные модальные стандарты потребления, инициирование ограниченности интересов во имя государства, перекося в правах и обязанностях граждан и дистанцирование государственных институтов от сбалансированной социальной политики. В нынешних условиях явным является то, что институты, обеспечивающие интеграцию молодежи в общество, настроены на политическую сферу и имеют узкие пределы социально-профессиональной интеграции.

Как показывают образовательные и профессиональные стратегии россиян, есть определенные зазоры между стремлением к качественному образованию как восходящему социальному лифту, как расширенному коридору возможностей молодежи и реальным уровнем массового, неэлитного образования. Это проявляется в том, что молодые россияне настроены на получение диплома в условиях, когда образование не

воспринимается как обоснование претензий молодежи на жизненный успех, т. е. сама структура образования унаследовала неравенство шансов от предшествующего советского периода [1].

Если образование не выполняет роль основного социального лифта для молодежи, судя по результатам социологических исследований, хотя рынок труда и предъявляет требования к квалификации, образованию и профессиональной подготовке, наблюдаются изменения отношения к образованию [4, с. 21]. Это выражается в том, что возник зазор между субъективными ориентациями молодежи, настроенными на доступные высокодоходные профессии, и объективными потребностями в кадрах, которые связаны с инструментальностью [4, с. 34]. Насыщение рынка труда экономистами и юристами не только содержит риски безработицы молодежи, а следовательно, и нереализацию ожиданий равных возможностей, но и приводит к тому, что есть рассогласованность в динамике спроса на рабочие, индустриальные профессии и профильную подготовку специалистов, настроенных на деятельность в ныне привлекательных, но проблемных для молодежи сферах экономики, права, социально-гуманитарных специальностей [4, с. 36].

Иначе говоря, молодые россияне осознают проблему достижения равенства возможностей в образовании и потому, что технические прикладные профессии обесценивались в предшествующий период и не содержали перспективы больших заработков, и потому, что в молодежной среде сложилась устойчивая иерархия профессий, которые требуют длительной и постоянной профессиональной подготовки. Здесь, конечно, влияет и развитие образования на коммерческой основе, где соотносятся затраты и прибыли. Это приводит к тому, что для того, чтобы образование стало социально инвестиционным, молодой россиянин должен пройти путь подготовки, где затраты не окупаются в ближайшем будущем.

В то же время вселяет надежду приоритет интересной работы, но и здесь переход из сферы образовательной деятельности к экономической активности ограничен неразвитостью института трудоустройства молодежи. Следует учитывать, что государственная молодежная политика не поспевает за перераспределением занятости молодежи между секторами экономики, и общественный запрос на востребованность молодежи в определенных сферах профессиональной деятельности не актуализирован.

Поэтому молодые россияне воспринимают равенство возможностей в контексте ближайших успехов и не учитывают, что наиболее успешной в престижных сферах жизнедеятельности является молодежь

с накопленным семейным и социальным капиталом, использующая более высокий культурно-образовательный уровень, знакомства и материальную поддержку старшего поколения. Рассматривая этот аспект, можно говорить о том, что для молодежи в институциональной среде, таким образом, становятся важными институты образования, профессиональной подготовки, трудоустройства.

Разумеется, это не связано с тем, чтобы достичь уравнительности шансов, но постоянный лаг в ожиданиях молодых россиян и реальных шансах трудоустройства приводит к отказу от стратегий равенства возможности или перемещения активности в сферу рискованных практик, связанных с теневым и полутеневым бизнесом. Стратегии равных возможностей молодежи, таким образом, не обладают полной институционализацией и не становятся регулярными практиками, связанными с использованием возможностей сложившейся институциональной системы. Данный вывод подтверждается тем, что в молодежной среде возможности для самореализации не воспринимаются как достаточные, довольные своей жизнью с таким спектром возможностей порядка 5 % населения [7, с. 61].

Другим фактором неудовлетворенности молодежи институциональной системой является то, что молодежь, рассматривая возможности проведения досуга, отпуска, самореализации в профессии, получения необходимых знаний, не довольствуется только внешними маркерами благополучия, как одежда, автомобиль, а оценивает свою жизнь хорошей в зависимости от институциональной среды в контексте субъективного благополучия, перевода в рамки повседневного бытия. При этом следует подчеркнуть, что молодые россияне исходят из того, что внешние маркеры – только как подступ к равенству возможностей, т. е. удовлетворяются потребительским насыщением в краткосрочном измерении.

Из этого явствует, что восприятие проблем молодежью связано со спецификой реальной ситуации [6, с. 83]. В условиях наступившего экономического кризиса стратегии равенства возможностей отходят на второй план, но их значимость выявляется в том, что снижается уровень оценки позитивных перспектив. В этом контексте молодые люди разделяют общую оценку (52 % респондентов), что страну ждут трудные времена [6, с. 83].

Заключение

Анализируя институциональные параметры формирования стратегий равных возможностей в российской молодежной среде, следует также подчеркнуть, что акцент на институтах групповых и индивиду-

альных интересов осложняет межпоколенческий диалог, что выражается в том, что для молодежи, хотя институты порядка и стабильности принимаются в качестве приоритетных, в то же время создается ситуация институциональной отчужденности. Молодежь, как видно из данных социологических исследований, склонна не только не доверять институтам защиты прав личности, но и принимать участие в функционировании этих институтов.

Негативная оценка является предпосылкой институциональной апатии, безразличия молодежи к формальным институтам, и, безусловно, перекося, который относят к традиционным слоям общества, более характерен для молодежи. Рыночные и демократические институты, которые призваны если не обеспечивать равенство возможностей, то стимулировать интерес к данным стратегиям, в российском варианте являются институтами дифференциации молодежи. Неформальные нормы преобразовывают деятельность данных институтов в той степени, в которой начинают доминировать латентные, скрытые функции.

Действительно, неразвитость молодежной институциональной инфраструктуры приводит к тому, что молодые россияне, не имея потенциала самоорганизации, интереса к совместным практикам, нацелены на то, чтобы обустроить жизнь с опорой на собственные силы, но ограниченность такой позиции выявляется в том, что в условиях кризиса молодежь испытывает двойное отчуждение, связанное с ростом рискогенных стратегий. При этом следует подчеркнуть, что среди молодежи наблюдается рост и противоположной тенденции, связанной с патернализмом, с тем, что государство должно оказать протекционизм в устройстве молодежи, возродить позитивные элементы предшествующего опыта трудоустройства и образования молодежи.

Литература

1. *Воденко К.В.* Перспективы государственного регулирования сферы высшего образования // Гуманитарий Юга России. 2016. № 6. С. 211–220.
2. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России: социологический портрет М.: ЦСПиМ, 2010. 290 с.
3. *Дискин И.А.* Россия, которая возможна. М.: Юрист, 2011. 175 с.
4. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования / под ред. Д.Л. Константиновского.

References

1. *Vodenko K.V.* Perspektivy gosudarstvennogo regulirovaniya sfery vysshego obrazovaniya // Gumanitariy Yuga Rossii. 2016. № 6. P. 211–220.
2. *Gorshkov M.K., Sheregi F.E.* Molodezh' Rossiya: sotsiologicheskiy portret M.: TsSPiM, 2010. 290 p.
3. *Diskin I.A.* Rossiya, kotoraya vozmozhna. M.: Yurist, 2011. 175 p.
4. Novye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya / pod red. D.L. Konstantinovskogo. M.: TsSPiM,

М.: ЦСПиМ, 2015. 232 с.

5. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.

6. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков [и др.]; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь мир, 2015. 432 с.

7. Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2015. 336 с.

8. Социология молодежи: учебник / К.В. Воденко, С.С. Черных, С.И. Самыгин, П.С. Самыгин; под ред. К.В. Воденко. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. 189 с.

2015. 232 p.

5. Nort D., Uollis Dzh., Vayngast B. Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva. M.: Izd-vo In-ta Gaydara, 2011. 480 p.

6. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraya / M.K. Gorshkov [i dr.]; otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov M.: Ves' mir, 2015. 432 p.

7. Rossiyskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga pervaya / M.K. Gorshkov [i dr.]; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. M.: Ves' mir, 2015. 336 p.

8. Sotsiologiya molodezhi: uchebnik / K.V. Vodenko, S.S. Chernykh, S.I. Samygin, P.S. Samygin; pod red. K.V. Vodenko. M.: RIOR: INFRA-M, 2017. 189 p.

Поступила в редакцию

16 января 2018 г.